

является жизнь человека природы, а история — лучший способ оправдания тиранов. Для Карамзина жизнь общества — не менее естественный процесс, который не позволяет безнаказанно проводить над собой эксперименты. Единство жизни нации понимается уже не только в территориальном или этническом аспекте, но и в историческом. Но после драматических событий французской революции, в начале 1790-х годов, история представлялась многим мыслителям как страшная, непреодолимая сила. Поэтому для исторических концепций того времени характерны защита традиций, определенный политический консерватизм, с одной стороны, и скептицизм, иногда переходящий в исторический пессимизм, — с другой (см., например, систему позднего Фонвизина). Эти же черты присущи и мировоззрению Карамзина. «Всякие насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот», — писал Карамзин (I, 382). Огромное историческое значение французской революции Карамзин видит в том, что она на практике доказала эту истину.¹³

Карамзин считает бесперспективными попытки изменить жизнь общества «снизу». И в этом он сторонник идей просветителей, выступавших против народной революции. В «Письмах» Карамзин, правда, еще придерживается просветительских взглядов и на деятельность монарха, признавая революцию «сверху» (см. высказывание Карамзина о Петре I в письме из Парижа, помеченном маем 1790 г.). Но в дальнейшем писатель «сужает» сферу деятельности царя, видя смысл этой деятельности скорее в сохранении традиций, чем в насаждении нового (см. его «Записку о древней и новой России», где, кстати, начинания Петра I оцениваются в основном отрицательно). В 1790-е годы, в период создания «Писем», Карамзин находился в оппозиции к екатерининскому и павловскому режиму и был далек от восхищения состоянием России. Но в «насильственных потрясениях» писатель видел еще большее зло, поэтому-то он так пессимистически и оценивал состояние русского общества. Но тем больше восторгался он Швейцарией: ведь в ней идеальная жизнь возникла без потрясений, естественно. Многие черты швейцарского уклада, по Карамзину, должны быть присущи любому идеальному государству, но не все. Карамзин отходит от чистого теоретизирования и внимательно присматривается к конкретным формам жизни других наций, прошедших свой исторический путь. И поэтому он готов положительно оценить в общественном бытии «просвещенных» стран (Англии, Франции) многие черты, которые не присущи бытию швейцарцев, а иногда и противопоказаны ему.

Итак, изображение Швейцарии в «Письмах русского путешественника» невозможно разделить на «чувствительные» и «ин-

¹³ Об отношении Карамзина к французской революции в период издания «Московского журнала» см. в статье П. Н. Беркова и Г. П. Макогоненко «Жизнь и творчество Карамзина», с. 11—13.